

СПЕЦНАЗ ГРУ

ГОРНАЯ
ПЕТЛЯ

СЕРГЕЙ САМАРОВ

Сергей Васильевич Самаров

Горная петля

Серия «Спецназ ГРУ»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67368471

Горная петля:

ISBN 978-5-04-166975-1

Аннотация

Ударные военные романы, написанные ветераном спецназа ГРУ.

В горах Кавказа обстреляна автоколонна российского спецназа. Погибли несколько офицеров. Основная версия – нападение террориста-одиночки, который сводит личные счёты с федералами. К расследованию происшествия подключился командир отдельного взвода спецназа ГРУ старший лейтенант Сергей Сергеев. Он подозревает группу археологов, проводящих в этой местности раскопки, тем более, что некоторые из её членов ведут себя очень подозрительно. Кто на самом деле готовил этот кровавый теракт, показали дальнейшие роковые события...

На сегодняшний день более 120 романов Сергея Самарова издано и прочитано поклонниками серии «Спецназ ГРУ». Ни один автор, кроме Самарова, так достоверно и так масштабно не описывает легендарное разведывательное подразделение суперпрофессионалов.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	55
Глава 5	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Сергей Васильевич
Самаров
Горная петля**

© Самаров С.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Осень в Дагестане красива по-особенному. Она необычайно щедра на естественное разноцветье горных трав и лесов. И потому гравийная черная, посыпанная поверху шлаком извилистая дорога, идущая в гору, кажется здесь чужеродной. Справа от дороги стоит березовый лес, усыпавший вокруг землю желтоватой листвой. Кое-где листья все еще держались на отдельных ветках. Желтый цвет изредка разбавляется красной листвой не опавших еще осин. А по левую сторону от дороги, по всему склону горы, будто стекая к той же дороге, лежит дубрава. Из всех деревьев дубы теряют свои листья одними из первых, и они, вперемешку с желудями, до которых охочи обитающие в дубраве сороки и вороны, лежат и под мощными корявыми стволами старых дубов, и под молодыми деревцами, еще не успевшими вытянуться к солнцу. Изредка среди дубов просвечивают красные гроздья рябин. Согласно народной примете, если в лесу богатый урожай рябины, зиму следует ждать холодную и снежную. А рябины довольно много, ее вполне хватает для того, чтобы зимующие на Северном Кавказе птицы могли в долгую и суровую зиму прокормиться.

По дороге в гору поднималась автомобильная колонна. Колонна состояла из трех грузовиков «ЗИЛ-131» и ехавшего первым бронетранспортера с откинутым до вертикально-

го положения люком башни. И из этого люка по пояс высунулся, любуясь красотой окружающей природы и вдыхая чистый горный воздух, подполковник полиции. Дверцы кабин грузовиков украшали красные полосы с одинаковой белой надписью «Росгвардия».

Выстрел прозвучал неестественно громко и неожиданно, вызвав громкое карканье ворон и безудержный треск сорок, смешанный с треском дубовых веток. Вороны и сороки, естественно, решили, что стреляют исключительно по ним, чтобы помешать им питаться желудями, и сорвались с места, желая подальше улететь от дороги в глубину дубравы, на лету ломая мощными крыльями, тугими шеями и корпусами сухие тонкие ветви деревьев. Но стреляли, как оказалось, не в них. Подполковник полиции, что так безрассудно высунулся из бронетранспортера, желая побаловать себя несколькими глотками свежего горного воздуха, особенно чистого осенью перед первыми заморозками, откинулся в неестественной позе на башню БТРа, продолжая руками цепляться за открытую крышку люка, и даже слегка прикрыл ее, но чьи-то руки, более, видимо, сильные и крепкие, ухватили подполковника за ноги и, опасаясь повторного выстрела, затащили в башню. Причем сделали это настолько резко и стремительно, что подполковник просто не мог не удариться обо что-то в тесной башне. И он ударился челюстью о ребро крышки люка. Удар был сильным и звучным, но подполковник даже не ойкнул. Уже был, видимо, без сознания. А то, что его руки

еще цеплялись за люк, – так это просто конвульсии, решат потом врачи и следователи, когда будут осматривать мертвое тело и определяют, что у него в дополнение к «огнестрелу» еще и челюсть сломана, сломана в тот момент, когда его пытались спасти.

Едва подполковник оказался внутри бронетранспортера, как башня слегка повернулась в сторону и «заговорил», стреляя явно не прицельно, крупнокалиберный пулемет «КП-ВТ». Спаренный с ним пулемет «ПКТ» поворачивался молча вслед за своим собратом. Видимо, сам он был попросту не заряжен. Попал в кого-то крупнокалиберный пулемет или не попал, понять было невозможно, особенно если стрелок, сумевший поразить подполковника, стрелял издалека. Если его и достала пуля, то он даже звука издать не сумел после попадания в него из оружия такого калибра. И услышать его падение было нереально. Разве что тело при падении начало бы ломать ветки, но расстояние могло бы скрыть и эти звуки.

С пассажирского сиденья грузовика выпрыгнул на дорогу капитан то ли полиции, то ли «Росгвардии». Он подправил на голове шлем, замахал руками, скрещивая их и останавливая два других грузовика. С пассажирских сидений из кабин выскочили еще по одному офицеру. Из первого грузовика покинул трехместную кабину третий офицер. Они бегом устремились к капитану. Он отдал команду, обернувшись к ним вполоборота, и заспешил, опять на ходу отдавая команды, к заднему борту грузовика, на котором ехал сам.

Не прошло и минуты, как два взвода ОМОНа и взвод СОБРа, рассыпавшись веером, двинулись в лес на тщательное «прочесывание» местности. Но в этот момент прозвучал второй громкий выстрел, и у всех на глазах голова капитана оторвалась от туловища и покатилась под уклон, а потом остановилась у корней старого и мощного дуба. Пуля перебила капитану полиции шею и оторвала голову. Мощная, должно быть, была пуля...

* * *

Ситуация почти повторилась спустя две недели. Причем на той же самой дороге, только парой километров ниже, в самом начале крутого и извилистого подъема в гору. И березняк, правда, там был более молодой и, следовательно, более мелкий, и дубрава тоже начинались уже почти там, только по другую сторону дороги. Разница была в том, что вместо бронетранспортера теперь ехала боевая машина пехоты, из башни которой высунулся майор спецназа ФСБ, а в трех грузовиках располагались три взвода этого же спецназа. Громкий выстрел заставил чьи-то сильные руки ухватить тяжело раненого майора за ноги и втащить в башню, а вместо крупнокалиберного пулемета лес тотчас стала расстреливать наобум автоматическая нарезная тридцатимиллиметровая пушка «2А72», а нарезное стомиллиметровое полуавтоматическое орудие – пусковая установка «2А70» молчала, не со-

бираясь зря портить лесные уголья, если никому не понятно было, откуда стреляли. Лязганье гусениц и шум двигателя даже при открытом люке не давали возможности определить нужное направление для стрельбы. Бойцы спецназа ФСБ точно так же, как двумя неделями ранее омовцы с собровцами, рассыпались, как и положено при необходимости прочесывания леса, повзводно, классическим веером, и бегом двинулись в лес. Возрастной капитан, покинув БМП через заднюю распашную дверь для десанта, устремился за ними, но тут прозвучал и второй выстрел. Капитан как бежал вперед, так и упал лицом на дорогу, в дополнение к пулевому ранению в грудь чуть ниже шеи заработав кучу порезов лица шлаком, рассыпанным по дороге. Дорогой пользовались редко, и шлак укатать еще попросту не успели. Но на это, как говорит практика, требуется не один год.

Как и в первый раз, поиск ничего не дал. Не было даже определено место, откуда производились выстрелы. И не потому, что его не искали, а потому, что невозможно же забраться в лесу на каждое дерево, чтобы найти «лежку» стрелка. А стрелял он, определенно, с заранее подготовленной позиции, какие часто делают охотники на кабанов, любителей полакомиться желудями в дубровнике. Но судя по тому, что все четыре выстрела были точными и направленными, говорить о случайном выстреле одинокого охотника не приходилось...

Глава 1

Старший лейтенант спецназа военной разведки, командир отдельного взвода Сергей Николаевич Сергеев молча выслушал сведения о появлении неведомого стрелка.

– А что же сами собровцы с омовцами и спецназ ФСБ его не ловят?.. – спросил он у начальника штаба сводного отряда в регионе Северного Кавказа майора Одуванчикова, который и поставил его в известность о появлении в горах абрека. В руке майор держал лист принтерной распечатки с данными о происшествиях. Распечатка была сделана на бланке МВД, о чем говорила эмблема полиции, хорошо видимая старшему лейтенанту, стоящему по другую сторону письменного стола. Должно быть, это было обычное письмо, потому что лист хранил сгибы, которые возникают после того, как его засовывают в конверт, а в правом верхнем углу не было заметно ни грифа секретности, ни даже грифа «для служебного пользования». – Почему опять на нас это взваливают?..

Майор Одуванчиков устало ответил:

– Беспричинное убийство, как считается, характерно только для абреков, ненавидящих всех представителей власти. Беда в том, что здесь силовики в основном все местные – редко можно встретить кого-то из глубинной России. Хотя есть старики. Но и они, кто здесь давно служит, придержи-

ваются местных обычаев. И потому не желают связываться с абреком. Абрек на Кавказе – уважаемый человек. Чуть ли не борец за правду, любимец обездоленных. За его смерть кровная месть полагается. А она, да будет тебе известно, на всю семью распространяется. Люди детей своих берегут. И жен тоже, которые за себя постоять не смогут. А таких, я про обездоленных говорю, всегда найдется куча. Ты, Сергей Николаевич, не слышал про историю Хасухи Магомадова?

– Никак нет, товарищ майор, не слышал.

Старшему лейтенанту Сергееву было легко работать с этим начальником штаба. Командир отряда не так давно получил в бою тяжелое ранение. Старому начальнику штаба присвоили звание подполковника и назначили командиром отряда, а на должность начальника штаба перевели командира разведроты, за какие-то особые заслуги только недавно получившего внеочередное звание майора. Начальник штаба ненамного был старше Сергеева и потому с ним общаться было легко. Почти ровесники все же легко друг друга понимают.

– Был такой абрек, чеченец по национальности, отец пятерых детей. Погиб он в семьдесят один год. Ему было тридцать девять лет, когда он зарезал своего «кровника» и попал в тюрьму. Из тюрьмы бежал в горы и стал абреком. И поймать или убить его не могли с тысяча девятьсот тридцать девятого вплоть до марта тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Но и после того, как Магомадова застрелили, силовики

боялись подойти к телу – сначала направили родственников для опознания. Вот такой страх он на них нагонял, этот Ха-суха. А теперь еще один абрек появился. Кто он такой, неизвестно. И никто не знает, откуда он взялся и что им руководит... Что заставило человека в горы уйти... Одним словом – эндемик местный. Знаешь, что такое эндемик?¹

– Слышал. И как его ловить? Этого вот я не знаю, – заявил старший лейтенант напрямую, не опасаясь показаться беспомощным, поскольку хорошо понимал, что любое дело начинается со сбора информации, а он пока никакой информацией не обладал. – И где его искать?

– Для начала я бы лично рекомендовал тебе определиться с мотивом обстрела абреком спецназовцев. Не бывает немотивированных преступлений. Тем более таких тяжких, как убийство. А искать, я думаю, следует начать там, где абрек дважды стрелял по федеральным автоколоннам. А вот как ловить – это ты уже сам соображай. Посоветуйся с ментами, по которым стреляли, посоветуйся со спецназом ФСБ, где двух офицеров подстрелили... Я тебе даже машину прикажу выделить, чтобы к ним съездить. Вот тебе две фамилии, один – бывший офицер из республиканского главка МВД, сейчас он в «Росгвардии» числится, с тех пор как ОМОН и СОБР в «Росгвардию» передали, другой – из республиканской ФСБ, следователь. – Майор написал на листе бумаги две фамилии

¹ Эндемик – это виды животных и растений, которые встречаются на ограниченной территории в естественной среде обитания. (Прим. ред.)

с номерами телефонов и подвинул листок к старшему лейтенанту. Тот прочитал, сложил лист вчетверо и сунул в карман. – Ищи какие-либо общие признаки, связывающие два происшествия, признаки, на которых можно поймать абрека. И выманивай его... Место преступления – уже один общий признак. Ищи и другие...

– На «живца», что ли, ловить и самому выступить в этой роли?

– Можно и так, если сумеешь обеспечить себе безопасность.

– Вот это, последнее, меня и смущает. Как себя в данном случае обезопасить? Если спрячусь – абрек стрелять не будет. Не другого же вместо себя подставлять.

– Думай. Соображай. Голова-то тебе, надеюсь, для этого и дана.

– Надеюсь, что не только для этого... – самодовольно усмехнулся старлей.

Старший лейтенант, на взгляд начальника штаба, был по-мужски красив. И он сам это отлично осознавал и этим гордился. Лицо у него было мужественное, с абсолютно правильными чертами. Наверное, женщины к нему так и липли. «Не зря же Сергеев, – подумал майор, – до сих пор холост. Пользуется, похоже, своей популярностью у противоположного пола по полной программе и не собирается пока жениться».

– Все остальное преходяще и уходяще. Будь к этому тоже

готов... – уверенным тоном старшего по званию и по должности, а может быть, даже в некоторой степени и по жизненному опыту заключил майор. – А пока иди. Не забудь потом план мне представить. Если сам надумаешь что. А если в голову ничего не накатит, обратись в оперативный отдел. Капитан Мимохожий горазд на разные хитрые выдумки... Обо мне ему не упоминай. Он ко мне не очень хорошо относится. Рассчитывал, как я понимаю, стать начальником штаба, а тут мне майора присвоили и начальником штаба назначили, а капитан Мимохожий на прежнем месте остался. У него, говорят, в Москве поддержка мощная есть, но и она не помогла... Вопрос выше решался и в срочном порядке. Меня на майорскую должность требовалось пристраивать. Я Мимохожего понимаю и на него не в обиде, а вот он... Короче, иди и подумай... Собери сведения...

Старший лейтенант покинул кабинет начальника штаба, минуту постоял в коридоре, раздумывая, потом двинулся в сторону стойки дежурного по штабу, чтобы выпросить дежурную машину, обещанную начальником штаба. Дежурный, недолго думая, позвонил в кабинет через стену самому майору Одуванчикову, выслушал его распоряжение, после чего созвонился с дежурным по гаражу и затребовал машину.

– Иди, старлей. Машина сейчас будет у главного выхода... Уже из ворот выезжает.

Сергеев вытащил из кармана листок, достал мобильник и

позвонил по указанному майором номеру телефона. О своем визите он договорился с взявшим на том конце беспроводной линии человеком и при этом не забыл попросить его заранее заказать пропуск.

– В Махачкалу. В главк МВД, – дал старший лейтенант указание водителю, когда с максимальным удобством устроился на переднем пассажирском сиденье. О том, что переданные «Росгвардии» ОМОН и СОБР республики еще занимают площадь в здании МВД, старший лейтенант знал от майора Одуванчикова.

Добрались на удивление быстро. Дорога в ранний утренний час была почти пустынна, хотя уже через пару часов, как знал Сергеев, пришлось бы медленно двигаться за какими-нибудь машинами, идущими со стороны горных районов республики, редко имея возможность совершить обгон из-за разбитого дорожного полотна. Причем в первой половине дня автомобили движутся в основном в сторону Махачкалы, а во второй больше в обратную сторону. Таким образом, командир отдельного взвода военной разведки уже планировал свое возвращение из столицы Дагестана.

Пропуск старшему лейтенанту уже заказали. Он довольно быстро получил его в бюро пропусков и, стоя на крыльце, позвонил майору ОМОНа Махалу Камиловичу Адилову, к которому его и направил майор Одуванчиков. Позвонил он с тем, чтобы Махал Камилович встретил его, поскольку в большом здании Министерства внутренних дел недолго и за-

блудиться человеку, попавшему сюда впервые. Это Сергею сказал младший сержант полиции, которому старший лейтенант показал свой только что полученный пропуск.

– Вы у нас уже бывали раньше, товарищ старший лейтенант? – с жутким акцентом, коверкая слова, спросил младший сержант.

– Нет. В первый раз.

– Тогда скажите, к кому вы. Я человеку позвоню, он встретит. А то еще заблудитесь...

– Я сам позвоню ему... – Старший лейтенант вытащил мобильник и вышел за дверь на крыльцо с большими колоннами.

– Товарищ майор, старший лейтенант Сергеев. Я прибыл и пропуск уже получил. Только дежурный постовой опасается, что я заблужусь. Вы не могли бы меня встретить? Я между центральными колоннами стою.

– Быстро же вы добрались. Как я вас узнаю?

– Я единственный здесь военный. Остальные из полиции.

– Значит, разберусь. Иду...

Ждать идущего майора пришлось почти двадцать минут. Сергей Николаевич начал уже подумывать, не позвонить ли ему снова, когда из распахнувшейся настежь двери вышел, как выкатился, небольшого роста коренастый человек в черной униформе с пластиковыми наколенниками и налокотниками, с погонами майора и с трафаретной надписью

«ОМОН» на спине. Окажись на майоре бронежилет, а в руках автомат, старший лейтенант решил бы, что появился совсем не вовремя и ОМОН готовится куда-то на выезд.

Майор с хмурым видом кивнул то ли кому-то, то ли в ответ на собственные мысли, которыми, похоже, была загружена его голова и, не глядя на старшего лейтенанта, сделал Сергееву приглашающий жест рукой. Старший лейтенант шагнул вслед за майором в двери.

– Что мой кабинет-то искать? – недовольным тоном высказал майор часовому. – Проще простого...

Пока часовой молча заносил данные из пропуска старшего лейтенанта в большую общую тетрадь, прошитую и опечатанную, Адилов уже успел пересечь половину просторного фойе и устремился было к широкой лестнице, но его задержал капитан. Схватив майора за рукав и не выпуская, похоже, из опасения, что тот улизнет, капитан едва не сорвал с Адилова пластиковый налокотник. На Сергееве были точно такие же налокотники и наколенники, как и на майоре ОМОНа, но форма была другого цвета и не имела трафаретной надписи на спине. Однажды, еще в военном училище, тогда курсанту Сергееву довелось участвовать в учениях, и, не имея в своем арсенале ни наколенников, ни налокотников, не входящих тогда в обычную форму одежды военнослужащего, пришлось больше часа передвигаться ползком. Он стер до крови и локти, и колени, и долгое время после этого носил на руках и на ногах предохраняющий бандаж. С

тех пор начал уважать такой внешне простой предмет экипировки. И не снимал практически никогда. По крайней мере на службе.

Майор Адилов быстро завершил разговор с остановившим его капитаном, тем не менее Сергеев успел его догнать. По лестнице Махал Камилович шагал через ступеньку, слегка наклонившись вперед и вынуждая неторопливого старшего лейтенанта тоже шагать через ступеньку. На втором этаже они свернули налево и скоро вошли в кабинет, в котором сидели еще трое омонцовцев – два прапорщика и капитан.

– У меня разговор конфиденциальный... – сказал им Адилов, и все трое, не сказав ни слова, вышли. Майор сел верхом на стул перед своим, видимо, столом и поднял глаза на старшего лейтенанта. И Сергеев только сейчас обратил внимание, какие раскосые у майора глаза, с явным эпикантусом². Хотя майор и носит дагестанские фамилию, имя и отчество – он, скорее всего, был метисом, один из родителей которого представлял монголоидную расу. Скорее всего, это была мать, поскольку сыновья обычно бывают похожи лицом на мать, а дочери на отца. Это может и ничего не значить в расследовании, но может и многое значить. К примеру, Адилов может без уважения относиться к абрекам. И на этом можно будет сыграть.

² Эпикантус – часть складки верхнего века у внутреннего угла глаза, в большей или меньшей степени прикрывающая слезный бугорок. Один из признаков, характерных для монголоидной расы, редкий у представителей других рас. (Прим. авт.)

– Как там у вас, в спецназе ГРУ, капитан Одуванчиков поживает? – издалека начал разговор Махал Камилович.

– Спасибо. Хорошо поживает. Только он уже не капитан, а майор и наш начальник штаба.

– Сравнялся, значит, со мной званием... – Адилов покачал головой. – Годами только не сравнялся. Но быстро же он карьере делает.

– Быстро, – согласился старший лейтенант. – Прибыл на Северный Кавказ капитаном, командиром разведроты. Здесь досрочно получил майора – видимо, заслужил. А потом...

– Заслужил, – согласился Адилов. – Он человек толковый. Просто так, кому не попадя, звания ни у нас, ни у вас не дают.

– А потом у нас командира отряда серьезно ранили, начальника штаба перевели на его место, а вместо майора Смурнова поставили майора Одуванчикова, – продолжил Сергеев. – Разведрота Одуванчикова, отработав положенные полгода, к месту постоянной дислокации отправилась, а Смурнова с Одуванчиковым оставили еще на четыре месяца. Присматриваются, похоже, к ним.

– Надо же, какие перемены, а я и не знал. И даже письмо к вам в отряд готовил на имя подполковника Репьина, вашего бывшего командира отряда. И наше руководство подписало, не глядя. Оно-то о переменах должно было знать.

– Должно, – согласился Сергеев. – Но, должно быть, как начальству и положено, оно привыкло только фамилии видеть, а на звания внимания не обращает. Однако начальство

от нас никуда не денется, а мы – давайте вернемся к нашим делам.

– Да-да... – кивнул Адилов и опустил взгляд в стол. Так его эпикантус стало почти совсем не видно. И даже глаза уже не казались такими раскосыми, как прежде. – Так чем могу быть тебе, старлей, полезным?

– Мне поручили поиск и ликвидацию абрека, что появился в горах. Вас, товарищ майор, как я понимаю, этот вопрос тоже сильно волнует.

– Да, как раз по этому вопросу я и готовил письмо в ваш отряд. Для нас это дело чести, а для вас, как я понимаю, повседневная работа. Кроме того, и у меня, и у моего руководства есть опасения, что, если наши парни доберутся до абрека, он не доживет до суда – кавказский горячий характер, понимаешь ли... А это пятно на МВД и разбирательство обстоятельств дела. А нам этого не надо.

– Так точно. Вам не надо пятно, а для нас это повседневная работа. И мы привыкли свою работу выполнять с высоким качеством. А для этого хотелось бы знать подробности произошедшего. Я в курсе, что вы, товарищ майор, не были непосредственным участником событий. Тем не менее как человек, конкретно отвечающий за действия республиканского ОМОНа, подробности дела вы должны знать.

Майор Адилов встал, повернул стул сиденьем к столу, вытащил из накладного кармана связку ключей и открыл стоящий позади стула сейф. Сейфа было два, невысокие, и стоя-

ли они один на другом. Нижний был распахнут – в нем, видимо, ничего секретного не хранилось. А из верхнего Махал Камилевич вытащил светло-коричневую папку-скоросшиватель и бросил ее на стол перед Сергеевым.

– Вот, можно ознакомиться. Рапорты нескольких участников. Документы не секретные. Могу для тебя даже скопировать. – Адилов кивнул на стоящий на широком подоконнике компактный ксерокс.

– Если не трудно... – попросил Сергей Николаевич. – Я в машине прочитаю. А пока на словах расскажите о происшествии.

Майор Адилов потер, сосредоточиваясь, лоб и начал рассказывать. Он тер его по поверхности какого-то старого, довольно-таки большого шрама, пересекающего лоб наискосок. Сергей Николаевич подумал, что Адилова или звезданули в лоб малой саперной лопаткой – хотя после такого удара, как правило, не выживают, поскольку лопатка прорубает череп, или ударили наотмашь прикладом автомата, или, на худой конец, жена его огрела торцевым краем горячей сковороды. В принципе, старший лейтенант не услышал ничего нового. Все уже раньше было рассказано майором Одуванчиковым, который знал подробности дела из совместного письма главка МВД и управления «Росгвардии» в сводный отряд спецназа. И пересказал его Сергееву. Хотя речь армейского майора не была такой эмоциональной и ярко раскрашенной, как речь майора Адилова, несущая явственный

энергетический заряд, выраженный в ненормированной лексике, произносимой и кстати, и некстати. Это и понятно. Были убиты сослуживцы майора, скорее всего, те, кого он хорошо знал, – командир отряда и его заместитель. И желание Махала Камиловича отомстить за них в его эмоциональной речи явственно прослеживалось. Менты не любят, когда убивают их сослуживцев. Даже в сводном отряде спецназа ГРУ этого не любят, хотя этот отряд состоит в основном из временно прикомандированных, и до прибытия в Дагестан спецназовцы обычно не знают друг друга.

– Это все я уже знаю из вашего письма в отряд, – сказал Сергей Николаевич. – Меня детали интересуют, какие-то общие детали между двумя нападениями, на которых можно, подстроив их, сыграть, чтобы заставить абрека совершить новое нападение. А как иначе его найдешь?

– Общие детали... – задумался майор ОМОНа. – Ну, разве что общее количество выстрелов и направление первого выстрела. Первый выстрел и в том, и в другом случае был направлен в человека, который высунулся из люка бронированной машины, в первом случае был из БТРа, во втором – из БМП. А самих выстрелов было оба раза по два. И еще пули. Они нестандартные. Мы извлекли пулю из тела убитого подполковника и отправили ее на экспертизу. Вторую пулю нам найти не удалось, она улетела куда-то в сторону. Видимо, столкнувшись с костью, изменила направление, хотя и расколола саму кость шейного позвонка. Короче гово-

ря, наши эксперты были просто в шоке. Они не смогли определить вид оружия. И только в одном сошлись во мнении, что пуля самодельная. Но даже ее калибр определить не сумели. Эксперты утверждают, что впервые с подобным столкнулись. Словно бы и не боевое оружие, но большой убойной силы! Какое-то самострельное, что ли... Но вот ФСБ, после стрельбы по их спецназу, провела собственную экспертизу, – вдруг оживился майор. – Может, они тебе что-то дельное подскажут. У них все-таки были две пули. Вдвое больше возможностей для анализа. Обратись в следственное отделение ФСБ...

– Обязательно обращусь. Сразу от вас туда поеду... Как только вы мне копии с рапортов и копию заключения баллистической экспертизы сделаете. Она же тоже, как я понимаю, не может быть секретной...

Глава 2

Снизу, из фойе, Сергеев позвонил старшему следователю следственного отделения ФСБ по особо важным делам подполковнику Исмаилу Латифовичу Абдуллаеву и договорился о встрече. Не забыл попросить заказать заранее пропуск.

– В республиканскую ФСБ, – дал он команду водителю.

– На улицу Дахадаева? К боковому подъезду? – переспросил водитель, уже тронувшись с места.

– Почему? К главному входу. Не знаешь, что ли? Проспект Расула Гамзатова.

Водитель не стал объяснять, почему желал подъехать к боковому подъезду. А у старшего лейтенанта голова была занята своими мыслями, и он не стал спрашивать. Майор Одуванчиков, преждевременно пугая, рассказывал, как работает чрезвычайно толстая женщина в бюро пропусков. Но Сергееву повезло. Видимо, в этот день работала другая смена или ту неповоротливую толстячку попросту уволили, найдя ей достойную замену. Пропуск ему выписали быстро и без проволочек. Рядом с часовым стоял и дожидался Сергея Николаевича человек в гражданской одежде. Как оказалось, это и был старший следователь по особо важным делам подполковник Абдуллаев. Таким образом, старший лейтенант довольно быстро оказался в его тесноватом кабинете на втором этаже, хотя здание и пришлось обойти, чтобы войти в него

через боковой подъезд. Сергеев посмотрел на указатель адреса на углу дома и удивился, увидев, что подъезд находится на улице Дахадаева. Он вовремя обернулся и увидел, как дежурная машина переезжает на другую стоянку, поближе к боковому подъезду. Значит, искать машину после выхода не придется.

– Чем могу быть полезным, молодой человек? – сразу заинтересовался подполковник. Должно быть, он не стал называть старшего лейтенанта Сергеева по званию, потому что сам был не в военной форме.

– Я, как командир отдельного взвода военной разведки, получил от своего непосредственного руководства задание найти и уничтожить неизвестно откуда взявшегося в горах абрека. К нам в отряд с официальным совместным письмом обратились специалисты из главка МВД республики и из «Росгвардии» с просьбой поймать или уничтожить этого убийцу.

– В современных условиях, как я понимаю, только возникновения нового абречества нам и не хватает, – в тон старшему лейтенанту проговорил подполковник.

В развитие темы пришлось Сергею Николаевичу повторить и все то, что он уже говорил майору Адилову, и даже то, что майор Адилов говорил ему самому. Последнее в основном касалось результатов экспертизы. Пришлось даже совет омовца выложить и, более того, даже попросить в ФСБ данные экспертизы.

– Это же для общего дела, – добавил старший лейтенант, заметив, как поморщился подполковник при словах о данных экспертизы. Но Исмаил Латифович тут же поспешил успокоить командира взвода военной разведки, сообщив, что у него после ранения в голову появился нервный тик и это именно он заставляет подполковника время от времени произвольно и не к месту морщиться. И попросил не обращать на это особого внимания. Подполковник оказался человеком культурным и понимающим, что его нервный тик может быть неправильно истолкован.

– А что касается абрека, то наша служба готова к сотрудничеству. К сожалению, мы сами просто не имеем физической возможности плотно заниматься данным вопросом. Вот я, например, как старший следователь, веду сразу девять уголовных дел. Правда, три из них уже практически готовы для передачи в прокуратуру для вынесения обвинения, но остаются еще шесть. А это, скажу честно, очень много. Кроме того, по должности своей я пустяками не занимаюсь. Все дела серьезные. По большей части – убийства и крупные хищения. А доказательств обычно – кот наплакал. И наше ведомство будет очень радо, если ваша служба возьмет на себя выполнение этой конкретной задачи. Что касается данных экспертизы – копию я вам, конечно, сделаю. Но могу сказать следующее: эксперты сами в растерянности. Они не могут определить ни вид, ни даже калибр оружия, из которого стреляли. Есть даже предположение, что выстрелы сде-

ланы из разного оружия, но схожего по своим тактико-техническим параметрам. И оружие это, вне всякого сомнения, нарезное – на остатках одной пули сохранились среды от нарезов. Даже было озвучено мнение, что это охотничье оружие. Хотя, с другой стороны, трудно предположить, что это правда. Охотничьи ружья обычно применяют на минимальной дистанции стрельбы и редко бывают нарезными. А так рисковать – чтобы стрелять с короткой дистанции, на подобное ни один здравомыслящий человек не решится. Попасть после собственных выстрелов сначала под неприцельный обстрел крупнокалиберного пулемета, а потом под хаотичный обстрел автоматической пушки, стреляющей фугасно-осколочными снарядами – нет, это слишком большой риск заработать пулю или ранение и на этом погаснуть. Мы обзванивали все больницы в интересующем нас районе и в прилегающих к нему районах, в том числе и в Чечне. Кроме того, обзвонили всех частнопрактикующих врачей в возможном районе обращения абрека. К ним с огнестрельным ранением никто не обращался. Это официальные данные. Что еще вашу службу интересует?..

– У меня есть конкретное пожелание нашего начальника штаба майора Одуванчикова...

– Слышал про такого. Говорят, грамотный офицер...

– Говорят... – согласился старший лейтенант. – Видимо, говорят правду. Так вот, майор Одуванчиков посоветовал мне найти какие-то общие моменты в двух ситуациях, что-

бы создать третью, похожую. И на этом попытаться поймать абрека.

– То есть организовать ловлю «на живца»... – сразу просчитал ситуацию подполковник Абдуллаев.

– Да... Примерно. И я согласен сыграть роль этого самого «живца», – твердо сказал старший лейтенант.

– Но это же чрезвычайно опасно, – возразил подполковник.

– Но кому-то и когда-то нужно рисковать. У нас вся служба на риске построена. И потому мы всегда готовы к опасности.

– Ну, если вы готовы, то я могу сообщить только одну характерную черту в этом деле. В обоих случаях первая пуля доставалась тому, кто командовал и потому ехал на бронетехнике, но высунувшись наружу. В здешних местах это считается серьезным нарушением – высовываться из бронетехники категорически не рекомендуется, и тем не менее мы имеем два случая с трагическим исходом. Правила разрешают открывать только люк, но это, как вы, должно быть, знаете, предохранительная мера. Своего рода профилактика.

– Да. Знаю. У нас точно такие же правила. Это на случай попадания термобарической гранаты. Открытый люк позволит более-менее сохранить давление в машине. Но какое дело бойцу, извините, до этого? Термобарическая граната создает в эпицентре температуру около трех тысяч градусов. Сгорит боец заживо за секунду или за ту же секунду погиб-

нет от перепада давления – не все ли равно погибшему. А в открытый люк забросить гранату проще. Если умеешь, конечно, бросать прицельно. А из гранатомета можно и рикошетом от крышки люка попасть. Я сам такого умельца знаю, специалиста по рикошетах. У меня во взводе служит.

– Еще что хочу заметить... – сказал подполковник ФСБ. – По показаниям свидетелей, выстрелы звучали очень громко, словно стреляли из снайперской винтовки калибра двенадцать и семь миллиметра. По звуку это сопоставимо с легким артиллерийский орудием времен Великой Отечественной войны. Скажем, с противотанковой легкой пушкой калибра семьдесят шесть миллиметров. Но это может быть и результатом горного эха. Дорога-то проходит между двух склонов. И еще интересный факт – подполковник ОМО. На высунулся из люка, когда механик-водитель сказал что-то про окружающую красоту, и примерно такая же фраза прозвучала со стороны мехвода³, когда высунулся командир отряда нашего спецназа. Впечатление складывается такое, что это механики-водители дают команду и командирам, и стрелку-абреку одновременно.

– У нас механики-водители сплошь младшие сержанты контрактной службы. Как они могут дать мне команду? К тому же у нас, как и у вас, и у полиции, я думаю, связь действует только внутри бронемашин. Стрелку мехвод никак

³ Мехвод – на армейском жаргоне так называют механика-водителя бронетранспорта или боевой машины пехоты.

команду отдать не может.

– Тем не менее это факт, – сказал подполковник Абдуллаев.

– Да, связь существует только внутри машины – так во всей армии. Как и в отдельных подразделениях. Скажем, как у меня во взводе. А экипаж бронемашин – это как раз отдельное подразделение.

– Но кто их знает, эти системы связи... – тяжело вздохнул Абдуллаев. – Любую систему, говорят, теоретически можно прослушать. Тем более при современном уровне техники, когда все практически переговоры завязаны на WI-FI.

– У нас, например, прослушать переговоры внутри взвода невозможно, да и внутри отряда тоже. Система полностью автономна и работает по закрытому каналу связи. Но я при желании могу вести переговоры и с командованием отряда, и с Москвой, правда только через дежурных по управлениям. У вас разве не так?

– Нет, старлей, у нас вся связь идет через запароленный WI-FI. Но, говорят, есть специальные программы по подбору паролей. Правда, у нас и у ОМОНа, да и у СОБРа тоже собственные пароли. Да и сложно поверить, что кто-то в полевых условиях сумеет быстро подобрать нужный пароль. Обычно на один пароль, чтобы взломать его, тратятся несколько часов, если только взломщику сразу случайно не повезет. А чтобы повезло, следует обладать обширной информацией. Во-первых, следует знать человека, который па-

роли устанавливает и меняет. Во-вторых, следует знать, на какой срок пароль устанавливается. В-третьих, необходимо знать биографию того самого установителя, потому что по большей части пароль устанавливают по дате своего рождения, по дате рождения жены, детей и даже собаки или кошки. Но все же этот факт дает простор для различного рода мыслей. И еще один момент, который кажется лично мне достойным, чтобы на него обратить внимание. Стрелок-абрек через кого-то из своего окружения заранее узнает обо всех наших перемещениях. Но маршрут передвижения, как правило, держится в строгой тайне. Каким образом ему удалось подловить две автоколонны?

– Товарищ подполковник, а эти автоколонны могли чем-то помешать стрелку...

– Чем?

– Ну, например, они могли сорвать какое-то мероприятие. Куда направлялся ваш спецназ? С какой целью?

– Обыкновенная проверка документов. В одном из рапортов указано название села – я сейчас просто не вспомню, какое именно, потому что, в отличие от вас, не задавал себе такого вопроса.

– Это все, товарищ подполковник, что вы можете мне передать?

– Устно – практически все. Добавлю только рапорты непосредственных участников поиска абрека, как и обещал. Их несколько. Рапорты у нас, как, вероятно, и у вас, и в ОМО-

Не с СОБРОм, пишутся только командирами подразделений. Но, поскольку командир отряда и начальник его штаба тяжело ранены, чтобы не беспокоить раненых в госпитале, рапорты написали только командиры трех взводов. Я вам сделаю ксерокопии, поскольку эти документы не секретные и не требуют подписи в ознакомлении. Они, конечно, зарегистрированы, но вам, я думаю, будут интересны и, возможно, необходимы.

Говоря это, подполковник Абдуллаев вытащил из стола три написанных от руки листа с рапортами и поочередно вложил их в копировальный аппарат, стоящий здесь же, на приставном компьютерном столике. Отксерокопировав документы, он вручил их Сергееву. После чего, пару секунд подумав, сделал еще и копию заключения баллистической экспертизы.

* * *

Читать рапорты сначала сотрудников спецназа ФСБ, потом сотрудников полиции Сергеев начал еще в машине. Он обратил внимание, как косится на исписанные от руки листы водитель, пытаясь понять, что он изучает.

– За дорогой лучше следи, пока в очередную яму не свалились... – сердито сказал Сергей Николаевич. Он очень не любил кого-то посвящать в свои дела, а уж водителя дежурной машины тем более.

Водитель кашлянул, но тем не менее отвернулся, стал более внимательно следить за дорогой и даже поехал быстрее. Дорога была уже основательно загружена автотранспортом, идущим в горы из Махачкалы, тем не менее ехать быстро и совершать обгоны было еще возможно, особенно на участках отремонтированной дороги. Правда, там сильно трясло и читать было сложно, но на дороге таких участков было мало, и Сергеев продолжал чтение.

Первые три рапорта были ничем не примечательны, хотя в одном из них Сергей Николаевич отметил единственное место, достойное внимания. Когда второй взвод спецназа ФСБ во главе со старшим лейтенантом Николаем Алиевичем Заварзиным, автором одного из рапортов, углубился в березовый лес, он встретил густые, можно сказать, непролазные заросли кустарника белой спиреи, которую в некоторых районах России называют таволгой. Кустарник этот, как помнил Сергеев, цветет весной, значительно раньше сирени и черемухи, и весной же покрывает кусты облаком беловато-сероватого тумана, сквозь который, впрочем, все видно. А осенью белая спирея теряет листву раньше других растений и желтеть начинает тоже раньше. Но кусты разрастаются так густо, что становятся в самом деле непролазными. То есть пробраться через них можно, но только разве что на тракторе, оборудованном косилкой для бурьяна. Косилка для бурьяна справится с тонкими стеблями... А в середине этих зарослей кустарника росло три старых и корявых дуба,

словно специально созданных для гнезда пресловутого Соловья-разбойника. Не имея под рукой трактора с косилкой для бурьяна, спецназовцы продирались сквозь кусты, оставляя на них клочки своей одежды, не пожелали, и командир взвода просто приказал троим бойцам выпустить по кроне деревьев по автоматному магазину. Таким образом, девяносто патронов было истрачено, и девяносто пуль остались, видимо, в стволах и ветках трех дубов и в телах расстрелянных ворон и сорок. Но стрельба по деревьям и птицам с доброй полусотни метров мало что дала. Деревья как стояли, та и остались стоять. Только желуди с дубов полетели на землю обильнее, что было бы к радости диких кабанов, но они целыми стадами бросились бежать от выстрелов, ломая тонкие ветви кустарника. Спецназовцев ФСБ этот эпизод только позабавил, однако трех кабанов они подстрелили себе на ужин.

«Но хорошо, – подумал Сергей Николаевич, – что Заварзин догадался написать об этом эпизоде в рапорте». Впрочем, старшему лейтенанту Заварзину, видимо, было просто лень писать отдельный рапорт о том, куда были использованы три магазина патронов его подчиненными бойцами, и он, возможно, отразил это в одном рапорте. В ФСБ патроны должны списываться так же, как в спецназе военной разведки. – Хотя спецназ военной разведки даже имеет в этом вопросе некоторое преимущество. Невозможно подсчитать, кто сколько стрелял в недавнем бою. А таких боев на долю военных разведчиков выпадает множество. И патроны легко

списать на прошедший бой. Не все же стреляют отсеченными очередями по два патрона. Процентом тридцать бойцов предпочитают бить с градации автоматического огня. А если требуется просто прижать противника к земле и не давать ему возможности поднять голову, не то что перебежать на новое место – тогда вообще требуется вести только автоматический огонь». Таким образом, всегда у каждого командира взвода имеется в запасе и трофейное по большей части оружие, и запас патронов, который официально постоянно пополняется. Но, если возникает необходимость, командир взвода всегда может выделить бойцу патроны из взводных запасов. И даже припасти патроны для своего пистолета, списав их на боевой расход. По нынешним беспокойным временам пистолет всегда может пригодиться офицеру и в гражданской жизни, и большинство из них такое оружие имеют. Имел собственный запас патронов и старший лейтенант Сергеев. И даже имел трофейный пистолет. Но применять оружие ему не доводилось. Обычно при возникновении каких-то эксцессов ему хватало тренированных мышц тела, чтобы разрешить назревшую проблему.

Рапорты омовцев и собровцев Сергей Николаевич читал с большим интересом. Дело в том, что выстрелы по ним были произведены с точки на пару километров выше по склону, и в преследовании омовцы ушли намного дальше бойцов спецназа ФСБ, которые, по сути дела, дошли только до того места, где на омовцев и была произведена ата-

ка. То есть всего пару километров. А три омовских взвода, скорее всего, устраивая по традиции соревнование между ОМОНОм и СОБРом, преодолели дистанцию вдвое большую. Таким образом, все три взвода шли в гору и вместе сошлись в месте перевала. На самом перевале справа и слева от дороги стояли высокие скалы, с которых удобно было стрелять из положения лежа. Один из командиров взвода ОМОНа забрался с биноклем сначала на скалы слева от дороги, потом на скалы справа, откуда подозвал к себе своих бойцов. Они поднялись. Он показал им в бинокль так и стоящие на месте, оставленные спецназом БТР и грузовики. Они были видны как на ладони – стреляй, как говорится, в свое удовольствие. Дистанция около километра. И место для стрельбы идеальное. Омовцы бросились искать место лежки стрелка и стреляные гильзы. Но гильзы они так и не нашли, как, впрочем, и место лежки. Перевал был покрыт осенней подвядшей травой, и оказалось невозможным определить, где трава сама по себе залегла в соответствии с временем года, а где она осталась прижатой под весом человеческого тела.

«Эх, – подумал старший лейтенант Сергеев. – Меня там не было. Я бы точно что-нибудь интересное нашел. Уж наблюдательностью меня Бог не обидел...»

Омовцы были на перевале, когда в стороне от дороги раздался сильный взрыв. Место взрыва определили сразу – каменная гряда уходила в дубраву, разламывая ее, как кли-

ном. Взрыв проводился на склоне каменной гряды. Бинокли были у многих. Стали наблюдать. И, как только осели пыль и дым, к месту взрыва устремилась толпа людей в сине-красной униформе, издали заметной даже для невооруженного глаза. Туда же ехал и трактор с широченными болотными гусеницами и с крановой стрелой. На склоне лежало нечто похожее на мачту высоковольтной линии. Бульдозер полз в ее направлении.

– А место-то здесь, похоже, людное, популярное... – заметил командир взвода СОБРа майор Илаев.

– Ты на левую скалу заберись и вон туда посмотри, – предложил коллеге командир взвода ОМОНа старший лейтенант Маликов, который первым додумался взобраться на скалы, и показал пальцем. – Сейчас за скалами не видно, но там село с башнями. Похоже, село полузаброшенное. Только над двумя домами дым от печей поднимается. А сейчас уже холодно. Топить должны жители. И люди траншеи копают. Непонятно только – зачем. Траншея на окопы издали похожа...

– Туда двинем... – не спросил, а скомандовал командир взвода СОБРа, как старший по званию, и с общего, надо думать, согласия взявший на себя командование. И пошел первым. Его взвод молча устремился за командиром.

Глава 3

Собровцы пошли за своим командиром, за ними два взвода ОМОНа. Сначала двинулись по дороге, но она им быстро надоела, и омовцы решили идти напрямик, но склон оказался слишком крутым; преодолев только один спуск, они снова вернулись к дороге. Все это было отражено в одном из рапортов, который писал, видимо, мент, мечтавший со временем стать писателем – капитан Абдулкеримов, как посмотрел старший лейтенант по расшифровке подписи. Его подробнейший рапорт занимал два с лишним листа убористого текста, и хотя рапорт был написан с откровенными ошибками, Сергеев предвидел контраргумент мента:

«А покажите мне того писателя, который умеет без ошибок писать! Тем более не на родном языке».

И не согласиться с таким аргументом было трудно. Главное, что капитан Абдулкеримов расписывал произошедшее подробно и местами даже делал вполне конкретные выводы. Так, описав все трудности спуска вне дороги, командир взвода ОМОНа указал точное время, затраченное на спуск до заброшенного села со средневековыми башнями, и даже высчитал пройденное тремя взводами расстояние.

Впрочем, вблизи башни не показались такими уж старыми, хотя старший лейтенант Маликов и назвал их средневековыми, просто они были основательно разрушены, ско-

рее всего, в позапрошлом веке, в период Кавказских войн, что вели горцы против Российской империи, не желая подчиниться царю-иноверцу, и впоследствии ни у кого не дошли руки до восстановления наследия прошлого. Но вполне реальным было допущение, что изначально башни строились именно в Средние века. Потом многократно разрушались и восстанавливались. Тогда, в старину, каждое село стояло само за себя, и на помощь соседей можно было не надеяться, потому что нашествия чаще всего были массированными, и соседи тоже переживали трудные моменты, отсиживаясь в собственных башнях. Но со времен, когда имам Шамиль сдался русским в плен и границы стали охраняться российскими войсками, ни персы, ни турки больше не рисковали, и массированные нашествия врагов прекратились. Наверное, потому и башни никто больше не восстанавливал. Это в последние годы за них взялись плотно. Решили сохранить средневековый быт для потомков, потому и расселили целое село по городам и селам республики, а в самом селе, на месте, работали одни ученые-археологи. Это именно их видел со скалы командир взвода ОМОНа Маликов. Археологи копали свои траншеи в поисках чего-то интересного. И еще Маликов видел дым над двумя домами. Как оказалось, эти дома занимают не местные жители, а сами археологи, держащие своих поваров, и сейчас им в этих домах повара готовят обед. Один из археологов, старый и, видимо, опытный, выбрался из траншеи, поправил очки на длинном носу и хотел

что-то сказать омовцам, может быть, на обед пригласить, но, увидев семь десятков голодных ртов, промолчал.

Ответили археологи и на вопрос о взрывах по другую сторону перевала.

– Это монтажники линию электропередачи через горы тянут. Иногда что-то взрывают. Место под свои мачты готовят...

– А кто у вас старший? – спросил майор Илаев.

– Профессор Бадави Ниязович Ниязов, – ответила выглядевшая моложе своих лет женщина со спортивной фигурой. Но ее возраст выдавала морщинистая шея. Сергеев знал, что возраст женщины определяется по шее и рукам, морщины на которых скрыть невозможно. Это же знал, видимо, и автор полицейского рапорта, потому что обратил на это особое внимание.

– И где его можно найти? – спросил майор.

– Он, наверное, у себя в палатке. Со всеми вместе он жить не желает – с племянником устроился, отдельно палатку себе поставил. – Она кивнула в сторону села, на полдороге к которому стояла большая четырехугольная брезентовая палатка, похожая на военную, рассчитанную на отделение. Сама палатка была такой высоты, что в ней можно было, наверное, ходить в полный рост. Привык, должно быть, профессор к жизненному простору и пытается его сохранить даже на археологических раскопках.

Командиры взводов пошли в сторону палатки, не попро-

щавшись с археологами. Но они рассчитывали встретиться с ними и на обратной дороге. Так что время сказать «До свидания» у омовцев еще было. Простые омовцы и собровцы двинулись вслед за своими командирами.

Палатка профессора имела дощатый пол и такой же каркас, а из клапана посреди одного из скатов крыши высовывалась металлическая труба, в настоящий момент не дымящая. Тем не менее двойные стены палатки с подкладкой из синтепона образовывали воздушную подушку и подразумевали, что в самой палатке даже прохладными осенними ночами не холодно. Майор Илаев первым подошел ко входу, нащупал через брезент доску каркаса и требовательно постучал.

– Кого Аллах послал? Я же просил меня не беспокоить! – сказал изнутри возмущенный и скрипучий, откровенно старческий голос.

– Республиканский СОБР! – ответил Илаев, но не добавил привычное: «Откройте, иначе мы будем вынуждены войти с применением силы и спецсредств», хотя видно было, что привычная фраза вертелась у майора на языке и он удержался, чтобы не произнести ее, только каким-то чудом. Восточная вежливость в этот раз победила привычку!

Старшего лейтенанта Сергеева Бог наградила не только мужественной внешностью, но и богатым даром воображения. Командир взвода военной разведки читал строчки из рапорта капитана Абдулкеримова и представлял себе всю картину произошедшего. И палатку профессора будто бы видел

перед собой, и сам его слабый старческий голос словно бы слышал, и даже внешность представил почти так, как описал его чуть позже капитан.

Профессор сам вышел в клапан палатки, не приглашая войти внутрь ни соборовцев, ни омовцев. Но майор отстранил его рукой и вошел внутрь первым. За командиром тут же устремились другие бойцы СОБРа и их коллеги из ОМО-На. В палатке, в довольно темном отделении, отгороженном подвешенным шерстяным одеялом, была расположена и кухня, где профессор что-то себе, видимо, нехитрое готовил на электрической плитке, а в другом, точно таком же отделении, даже чуть меньшего размера, чем кухня, стоял дизельный генератор, на выхлопную трубу которого был надет гофрированный пластиковый шланг, конец которого был выброшен наружу через прорезь, сделанную в палатке. Мощности генератора, должно быть, вполне хватало на электрическую плитку и на две светодиодные лампочки, что висели в центральном отделении, и на компьютер, стоящий на одном из многих столов в торце палатки. Правда, компьютер представлял собой обыкновенный ноутбук, обычно имеющий свой аккумулятор, но аккумулятор тоже иногда требуется подзаряжать, а сейчас, как увидел капитан Абдулкеримов, он был включен в розетку. Отапливалась палатка печкой-буржуйкой, стоящей посередине палатки. У противоположной кухне стены палатки стояла раскладушка с несколькими ватными одеялами и подушкой в замызганной наво-

лочке. Вторая раскладушка, с всего одним ватным одеялом и с подушкой в точно такой же наволочке, стояла у другой стены.

Но основное место в центральном отделении занимали несколько обыкновенных, как в сельской столовой, столов, уставленных артефактами. Здесь стояли осколки глиняных горшков и другой посуды, лежали наконечники для стрел и даже целый лук без тетивы, две сабли со ржавыми клинками и одна целая сабля с богато украшенной драгоценными камнями рукояткой. Эту саблю сразу после осмотра кухни и второго отделения, с дизельным генератором, и взял в руки майор Илаев, большой любитель и знаток, как он сам считал, холодного оружия. Клинок сабли был разукрашен несимметричными темными разводами.

– Осторожнее. Это редкий раритет, – сказал Бадави Ниязович. – Клинок, к сожалению, без ножен, нашли на верхней полке стеллажа в нише одной из башен, когда поставили леса и смогли забраться наверх. Судя по драгоценным камням, сабля принадлежала какому-то знатному человеку. Сам клинок – настоящий булат. Такая сабля украсит коллекцию любого музея. Осторожнее, я же говорю!

Последние слова профессор истерично прокричал, ибо майор ОМОНа решил проверить, на самом ли деле это булат, он сильно согнул лезвие и отпустил. Оно распрямилось с легким звоном.

– Настоящий булат не ломается... – оправдывая свои дей-

ствия, тихо проворчал Илаев.

– Булат булату рознь, – ответил профессор. Все зависит от того, какой мастер делал клинок и с какой целью. Например, для разведчиков были специальные булатные сабли, которые сами разведчики носили вместо пояса и в случае провала за секунду обнажали их, чтобы отбиться от противников. А были и сабли для сабельного боя, более тяжелые и менее гибкие. Такие ломались при ударе сбоку поперек плоскости. Так что вы сейчас имели возможность сломать редкий вид оружия и лишиться один из музеев украшения своей экспозиции. А нашу экспедицию вы лишили бы возможности приехать сюда же на будущий год.

– А вы намерены приехать сюда снова? – спросил старший лейтенант Маликов.

– Естественно... – как о чем-то давно решенном сказал профессор Ниязов. – В этом году выполнить все задуманное мы просто не успеваем...

– А это что? – спросил капитан Абдулкеримов, остановившийся у следующего стола, над которым не было лампочек.

– Кремневые ружья колесцового типа. Тоже раритетные. И пули к ним. Пули найдены в брустверах бывших окопов. По сути дела, из земли выкопаны. Но свинец, как известно, не ржавеет. И потому пули почти целые. Только слегка оплавлены вследствие самих выстрелов. А земля брустверов их не повредила...

– А что за тип такой у ружей? – спросил любопытный стар-

ший лейтенант.

– Кремниевое оружие, молодой человек, делится всего на два типа: на курковое и колесцовое. Курковое оружие выбивает искру при ударе курка – закрепленный в курке кремнь бьется о стальную пластину-огниво, а в колесцовых ружьях кремнь зажимается в губках курка и при нажатии на спусковой крючок трется по зазубринам стального колесика, выполняющего роль огнива, что тоже вызывает искры. Порох от искр воспламеняется, и происходит выстрел. При раскопках мы нашли четыре таких ружья. Два – вот, перед вами, а два, очень плохо сохранившиеся – мой племянник повез для передачи в музей еще вчера вечером. Вскоре должен уже вернуться. Я его жду – дожждаться не могу...

– Вы не слишком поторопились с передачей оружия в музей? – спросил майор Илаев.

– А что делать! У нас нет денег, чтобы расплатиться с рабочими. В бюджете республики нам выделили крохи, из бюджета района только обещают дать какую-то мелочь. Приходится торопиться. А почему, простите, вы спрашиваете?

Вопрос профессора майор пропустил мимо ушей.

– Скажите, профессор, а из этих ружей можно стрелять до сих пор? – поинтересовался старший лейтенант Маликов, но смотрел он при этом почему-то на майора Илаева, словно укорял его за то, что майор сам до сих пор не задал этот вопрос.

– Если их отреставрировать, то, я думаю, вполне... Глав-

ное, чтобы стволы не подвели. В старину оружие делали на совесть. Не то что сейчас!

– А чем вам не по душе современное оружие? – Илаев погладил ствольную коробку своего автомата, висевшего на ремне на груди.

– Раньше его изготавливали мастера, а сейчас станки. Я не уверен, что у мастеров глаз устроен хуже, но за каждое свое изделие они несут ответственность, поскольку на каждое ставят свое клеймо.

– Это спорный вопрос. И не будем его сейчас обсуждать. Вы не дадите, профессор, адрес и телефон своего племянника и данные музея, в который он должен передать ружья.

– Минутку, – согласился Бадави Ниязович, взял со стола чистый лист бумаги, ручку и что-то записал, а потом спросил: – А зачем вам мой племянник? И вообще, что произошло такого, что нашей экспедицией СОРБ вплотную занялся?

– Ничего особенного, – ответил Илаев, – если считать за обыденность обстрел автомобильной колонны СОБРа и ОМОНа.

Про гибель двух офицеров он предпочел умолчать.

– Обстрел автоколонны – из кремниевого ружья! – недобро засмеялся Бадави Ниязович. Да он больше сам бы при этом рисковал. Вдруг ствол разорвало бы... Нет, подозревать моего племянника и главного помощника в этой экспедиции, по большому счету, весьма глупо.

– А мы привыкли по малому счету считать, – возразил Илаев, – и мелочи из виду не упускать...

* * *

Сергеев как раз к приезду в военный городок отряда спецназа военной разведки успел дочитать до конца рапорты спецназовцев ФСБ и МВД и сложить отдельные листы в свой офицерский кожаный планшет.

– Жди меня в гараже. И будь готов к дальней поездке, – сказал он водителю.

– Опять в Махачкалу? – недовольно спросил тот.

– Я же сказал – «к дальней поездке». В горы двинем...

– В горы – это хорошо... – непонятно чему обрадовался дежурный водитель, но лицо его просияло. Должно быть, водитель, как и сам Сергеев, любил езду на большие расстояния и за рулем чувствовал себя лучше, чем без него.

Однако выяснять, что стало причиной радости водителя, старший лейтенант не стал, не желая перебивать собственные мысли, которые намеревался выложить начальнику штаба отряда, и быстро вошел в штабной корпус.

– Дежурную машину в гараж отправил, – козырнув, доложил Сергеев капитану автороты, дежурному по штабу. – Приказал водителю готовиться к дальней поездке по республике. А я пока с докладом к начальнику штаба.

Он хотел было пройти мимо дежурного в кабинет началь-

ника штаба, но дежурный сказал:

– А товарищ майор в роту ушел. К солдатам. В казарму то есть...

Сергей Николаевич резко развернулся и двинулся под лестницу, где был выход из штабного корпуса во двор военного городка. Он пересек обширный двор и прошел на первый этаж казарменного корпуса, занятый разведротой, что прилетела из Свердловской области на смену бывшей роты майора Одуванчикова. Сама рота была на выполнении задания на территории Ингушетии, что Сергею было известно. Снова начались волнения среди ингушей по поводу территориальных претензий между двумя селами ингушей и северных осетин, и роту выставили на спорные территории, чтобы предотвратить кровопролитие. Административная граница была установлена еще советской властью, и нынешняя власть ее менять была не намерена. Сергей Николаевич рассчитывал найти начальника штаба в ротной канцелярии и уже направился было туда, однако дневальный по роте доложил старшему лейтенанту, что начальник штаба на первый этаж даже не заходил, только в двери заглянул, увидел дневального и сразу вышел, не дожидаясь доклада.

– Выше по лестнице поднялся, – сообщил молодой рядовой срочной службы. – Торопился, похоже, сильно.

Насчет «торопился, похоже, сильно» Сергеев сильно сомневался. Дневальный был из молодых солдат и вполне мог не знать обычную стремительную манеру поведения Одуван-

чикова.

Сергеев кивнул и сам пошел на второй этаж, где располагался его взвод вместе с четырьмя другими отдельными взводами, хотя хорошо знал, что его взвод, который временно возглавляет заместитель командира старшина Сережа Кондратенко, в настоящий момент, согласно расписанию занятий, должен находиться на стрельбище и отрабатывать скорость стрельбы при встречном огне, используя при отработке навыков страйкбольное оружие, патроны и соответствующую защитную амуницию.

Видимо, взвод там же и находился, поскольку в казарме его не было, как и еще двух взводов, тоже задействованных в миротворческой операции на административной границе Ингушетии и Северной Осетии. А бойцы одного взвода из пяти частично были заняты чисткой оружия, частично отдыхали.

Начальника штаба майора Одуванчикова Сергеев застал в канцелярии сидящим за письменным столом. Перед ним лежали страницы с расписанием занятий взводов.

– Как успехи, Сергей Николаевич? – спросил Одуванчиков, отодвигая от себя разрозненные листы расписаний и прекращая свое скучное занятие. – Подсказали тебе что-то дельное в МВД и в ФСБ?

– Есть некоторые успехи, и даже первый, на мой взгляд, подозреваемый появился, – ответил старший лейтенант, достал из своего офицерского кожаного планшета стопку бу-

маг с рапортами командиров взводов, нашел рапорт капитана ОМОНа Абдулкеримова и положил на стол перед майором, а из кармана достал мобильный телефон. – Но мне следует сначала позвонить, и только после этого звонка можно будет говорить о подозреваемом.

Он снова вытащил из кармана сложенный вчетверо лист, на котором начальник штаба утром написал фамилии и номера телефонов сотрудников МВД и ФСБ, проверил в своей памяти номер телефона майора Адилова и снова убрал в карман листок.

– Кстати, товарищ майор, – обратился Сергеев к Одуванчикову, – и майор Адиллов, и подполковник Абдуллаев очень лестно о вас отзываются.

– С Махалом Камировичем мы проводили совместную операцию, а вот Абдуллаева я что-то не припомню. Знаю только его фамилию, поскольку он ведет дело нового абрека.

– Это старший следователь Следственного отделения ФСБ по особо важным делам.

– А разве у них «отделение», а не «Управление»? – переспросил начальник штаба отряда.

– Точного названия я не знаю, но мне кажется, что Управление только в Следственном комитете по республике есть. Но не в этом дело. Я говорю, что подполковник Абдуллаев хорошо о вас отзывался.

– Может быть, с чужих слов наслышан. Я лично такого подполковника не помню...

– Возможно... – легко согласился Сергеев и нажал кнопку вызова на мобильнике.

Длинные гудки длились долго, наконец Адилов ответил.

– Еще раз здравия желаю, товарищ майор. Старший лейтенант Сергеев опять беспокоит, – скороговоркой начал говорить Сергеев.

– Еще раз здравствуй, старлей. Прочитал рапорты? Что-то непонятно?

– Так точно, товарищ майор, прочитал. Особенно интересным мне показался рапорт капитана Абдулкеримова.

– Ну да... Я так и думал. Он же у нас по образованию журналист. Факультет журналистики Екатеринбургского университета когда-то окончил. Так что тебе непонятно?

– История с племянником профессора Бадави Ниязовича Ниязова. Он отвозил в музей два плохо сохранившихся кремниевых ружья...

– Да-да, – торопливо сказал Адилов. – Разве я тебе не рассказал? Вот же память! Чтоб ей неладно было! Хотел же сразу сообщить, но сам себя другими мыслями перебил...

Сергеев живо представил, как майор Адилов чешет суровый шрам, наискосок пересекающий его лоб.

– Так что вы, товарищ майор, запомнили? – особо не стесняясь, перебил раздумья мента старший лейтенант Сергеев.

– Забыл рассказать подробности. В тот же день, после того как это все случилось, наведя некоторые справки, СОБР вы-

ехал на задержание «до выяснения» Мурада Асланова – это племянник профессора, – а взвод ОМОНа двинулся в музей. Разделились по договоренности. ОМОН быстрее справился с задачей, и капитан Абдулкеримов позвонил мне. Да, племянник профессора минувшим вечером сдал в музейную коллекцию два сильно разрушенных временем кремниевых ружья и в бухгалтерии музея получил деньги. Кстати, не слишком большие. Абдулкеримов мне позвонил после того, как сам осмотрел ружья и пришел к выводу, что стрелять из них невозможно, да и свежего порохового нагара в стволах нет. Теперь дело было за взводом СОБРа, которому следовало передать просьбу Абдулкеримова быть с Аслановым повежливей, поскольку он, скорее всего, ни при чем. Дверь квартиры СОБРу никто не открыл, хотя, по данным биллинга, мобильник находился дома. Майор Илаев специально звонил экспертам, чтобы они проверили. И профессору тоже позвонил. Тот ждал племянника и не понимал, куда тот делся, но предупредил майора, что Мурад вечером заезжал к нему домой и взял из сейфа двести тысяч рублей, которые должен был привезти профессору вместе с деньгами, полученными в музее. Племяннику, как своему первому помощнику, профессор полностью доверял, отдал ключи от своей квартиры и даже сообщил код сейфа. Профессор сам пытался несколько раз позвонить Мураду, но тот на звонки не отвечал. После этого разговора с Бадави Ниязовичем Илаев принял решение вскрыть квартиру. Асланов лежал сразу за дверью. У

него была проломлена голова. Признаков жизни он не подавал. По всей видимости, преступление было совершено молотком, который валялся тут же. Согласно данным экспертизы, Мурад был убит за полчаса до взлома двери СОБРОм. Видимо, убийца разминулся с полицией. На место преступления выехала вызванная майором Илаевым следственная бригада, однако денег она не нашла. Тело Асланова пока находится в морге судмедэкспертизы и пролежит там до момента опознания. Опознание будут проводить мать убитого и профессор, брат умершего отца Мурада. Таким образом, что мы, старлей, имеем? Теоретически Мурад Асланов мог быть стрелком-абреком. Конечно, без использования кремниевых ружей, которые он еще вечером сдал в музей. Но ему потребовался бы какой-то транспорт, чтобы обогнать нашу автоколонну, а потом раньше нее вернуться в Махачкалу, где его убили. Объездная дорога есть, но она и длиннее, и хуже основной. А у Асланова нет автомобиля, хотя есть водительские права, мы проверяли. И вообще, это дело похоже на обычное ограбление. А к археологам с расспросами собирается наведаться следственная группа Следственного управления республики, которая и ведет дело. Возглавлять группу будет старший следователь по особо важным делам Следственного управления полковник юстиции Гаджигусейнов. Не знаком, старлей, с таким?

– Никак нет, товарищ майор. Не знаком. Значит, Мурад Асланов из списка подозреваемых выпадает? – слегка рас-

строеным тоном спросил Сергей Николаевич.

– Выходит так, старлей! Ищи другую кандидатуру...

– Будем искать...

Глава 4

К моменту завершения разговора Сергеева с майором Адиловым начальник штаба отряда как раз завершил чтение рапорта капитана Абдулкеримова и отложил исписанные страницы в сторону.

– И что? – спросил Одуванчиков.

– Думаю, мне надо выехать на место расположения экспедиции и самому поговорить с археологами и профессором.

– Думаешь, у ментов мало опыта? – недовольно спросил начальник штаба. – И они что-то упустили?

– На месте расположения экспедиции были не следователи. Они только собираются туда наведаться. Я думаю, мне надо побыстрее разобраться с возникшими у меня вопросами. У следователей обычно много дел в производстве. А у меня одно. С ним и следует поторопиться. Хочу появиться в лагере экспедиции раньше следователей... Чтобы никто не помешал.

– Похоже, дело говоришь! – согласился майор Одуванчиков. – Тогда поезжай. Машина тебе уже выделена на весь день. Я дежурного еще утром предупредил.

– Еду, – кивнул старший лейтенант, забрал со стола рапорт капитана Абдулкеримова и покинул канцелярию.

Двинулся в гараж. Подныривать под забором, как это делают солдаты автороты, направляясь к своим боксам, стар-

ший лейтенант не стал, а сразу прошел к воротам, в которые его и запустил ефрейтор контрактной службы с повязкой помощника дежурного по гаражу, и тут же предупредил:

– Товарищ старший лейтенант, наш дежурный в столовую пошел обедать, но я в курсе, что машина за вами закреплена. Сразу поедете?

– Сразу.

– Тогда я позвоню, водителя вызову.

В этот момент позвонил начальник штаба отряда майор Одуванчиков.

– Слушаю вас, товарищ майор, – сказал в мобильник старший лейтенант.

– Сергей Николаевич, я тут подумал и решил, что тебе лучше ехать на бронетранспортере или на БМП. По дороге из него лучше не высовывайся. И еще я распорядился, чтобы тебе выделили транспорт вместе с «силовым прикрытием». Хватит тебе отделения комендантского взвода?

Командованию всегда бывает виднее, что необходимо для выполнения задачи подчиненному. Сергеев сначала думал отказаться и от бронетранспортера, и от отделения прикрытия, но последняя мысль о командовании заставила командира отдельного взвода промолчать.

«Уазик» подъехал одновременно с вернувшимся с обеда дежурным по гаражу.

– Ставь машину в бокс, – распорядился дежурный, взмахом руки отпустив водителя внедорожника. – Товарищ стар-

ший лейтенант на бронетранспортере поедет. Распоряжение начальника штаба.

В этот момент по дороге от казармы бегом приблизилось отделение комендантской роты. Дежурный взмахом руки изменил направление бега отделения, и оно направилось сразу в сторону целого ряда бронетранспортеров и боевых машин пехоты, стоящих в центре гаражного двора. Из мастерских, где водители обычно курили в ожидании выезда, вышел младший сержант контрактной службы, одетый не по форме. Сергеев хотел было сделать замечание младшему сержанту, но передумал. Чистошерстяные гимнастерки, в которую был одет младший сержант, так называемые «ч/ш», в Российской армии солдаты вообще не носили, а в Советской прекратили носить задолго до того, как был развален Советский Союз. Но старую форму использовали в виде спецовок в механизированных подразделениях. Скорее всего, мехвод получил эту гимнастерку для работы, но она оказалась новой и теплой, и он носил ее постоянно. Конечно, можно было бы придрататься к младшему сержанту, спросив его, почему он на боевой выезд отправляется в спецовке, но Сергеев понимал, что это будет только придирка и оттягивание времени выезда, потому что парню придется пойти переодеться. Тем более что и другие мехводы часто выезжают на задание в своей рабочей спецовке, и зачастую более грязной, чем эта гимнастерка.

Младший сержант первым оказался рядом с бронетранс-

портером, стоящим в середине общего ряда, быстро заскочил внутрь и открыл дверцу в левом боку, приглашая проследовать туда отделение комендантского взвода. Одновременно с боковой дверцей наружу открылась и лесенка, по которой бойцы быстро загрузились в машину, и она, выбросив в воздух синеватое облако не полностью сгоревшей солярки, сразу тронулась с места. Около дежурного по гаражу остановилась.

– Транспорт подан! – услужливо сообщил дежурный старшему лейтенанту Сергееву, и командир взвода легко, опершись ногой о колесо, забрался в люк рядом с люком мехвода.

– Куда едем, командир? – спросил младший сержант.

Сергеев сердито назвал район. Он не любил проявление излишнего любопытства, тем более у младших по званию, но сейчас вынужден был сообщить – ведь не будет же он всю дорогу пальцем показывать мехводу дорогу.

– Это где в ментов и в спецназ ФСБ стреляли?

– Туда. А ты откуда знаешь?

– Слухи ходят...

– И о чем эти слухи? – В голосе Сергеева промелькнуло любопытство.

– О том, что в горах новый абрек появился... Якобы дух какого-то давно убитого. И из кремниевого ружья шмаляет точно в цель. А как, товарищ старший лейтенант, с духами-то воевать? Их же пуля брать не должна...

– Если стреляет и даже попадает, значит, он не дух... А с

чего ты взял, что он из кремниевого ружья стреляет?

– Солдаты говорят... – пожал плечами младший сержант.

– Ладно. Вот тебе карта. На карте две отметки. Возле первой обстреляли спецназ ФСБ, возле второй – спецназ МВД. Ты сначала возле первой отметки останись. Потом дальше поедем. Туда же бригада из Следственного комитета должна поехать. Хорошо бы их догнать и обогнать. Чтобы друг другу не мешать. Сможешь?

– Они же на микроавтобусах ездят. А микроавтобусы для здешних дорог малопригодны. Догоним и обгоним... – Младший сержант так резко добавил скорость, что Сергея Николаевича шатнуло в кресле. Он обернулся через правое плечо. Бойцы отделения силовой поддержки, сидящие спиной к двигателю бронетранспортера, разделяющему отделение десанта надвое, тоже почувствовали рывок машины, качнулись. А командир отделения, младший сержант контрактной службы, сразу занявший место стрелка-наводчика в башне, похоже, резкого ускорения не заметил – его кресло у спаренных пулеметов было усилено мощными пружинами. Вторую половину отделения силового прикрытия старшему лейтенанту было не видно за двигателем бронетранспортера. Чтобы их увидеть, следовало посмотреть через левое плечо, но в большом плечевом бугре этого плеча у Сергеева было сразу три перелома, полученных во время прыжков с парашютом еще у себя в бригаде. Тогда, после перелома, он еще целый день держался, думая, что получил просто ушиб, и

только к вечеру обратился в санчасть к дежурному хирургу. Тот после снимка только головой покачал:

– Обычно большой плечевой бугор при таких переломах просто отрывается. И как следствие, человек полностью лишается возможности действовать рукой. Она у него попросту высыхает, хотя все нервы вроде бы целы и действуют. Вам, можно сказать, несказанно повезло, что отделаетесь «вертолетом». Но при движении еще долго плечо будет похрустывать. Только тренировка мышц сможет вам помочь. Но нагружайте плечо постепенно...

«Вертолет», насколько знал Сергеев, это способ наложения гипса. Большая и основная плоская и многослойная часть гипсовой повязки накладывалась на спину, причем почти на всю, от плеча до плеча, а снизу она же закрывает лопатки. Спереди загипсованная рука выставляется вперед и носится на подставке, и только запястье перехватывается бинтом, который для страховки перебрасывается через шею. Целых три дня старший лейтенант мучился, но гипс носил. И только на четвертый день он с помощью своего замком-взвода сломал гипс на спине в плече, а на пятый день и в локте, что позволило ему и одеваться по форме, и проводить во взводе полноценные занятия согласно расписанию. Старший лейтенант вместе со взводом даже марш-броски совершал, стараясь при этом не упасть. Но оборачивался через сломанное плечо Сергей Николаевич до сих пор с трудом и с осторожностью, да и то, если не было особой необходимо-

сти, предпочитал не оборачиваться. В данный момент такой необходимости не было. Ничего нового он увидеть просто не смог бы. А удовлетворение любопытства того не стоило.

Бронетранспортер ехал уверенно, пыля всеми своими восьмью колесами. Эту пыль было хорошо видно в большое круглое зеркало заднего вида, которое само было покрыто толстым слоем пыли. Пылевое облако, что создавалось позади БТРа, скрывало все идущие тем же курсом и без проблем обгоняемые машины, причем в пылевом облаке полностью прятались не только легковые иномарки, но и грузовики, и даже большегрузные длиннющие фуры. Впрочем, фур на этой дороге было немного. Основная их масса шла из Азербайджана через весь Дагестан и Калмыкию в центральные районы России и в Москву с Питером – фуры везли фрукты и овощи.

Сергеев то ли просто задремал в кресле, легко укачивающем любого бойца, то ли просто с закрытыми глазами погрузился в свои думы, но он как-то пропустил мимо своего внимания момент съезда на боковую дорогу, отсыпанную шлаком. И заметил окружающие изменения, только когда снова выглянул в люк. В начале пути пыль была грязно-серого цвета, напоминающая взвесь. Теперь бронетранспортер оставлял за собой черный пылевой шлейф, который оседал довольно медленно. И из-за этого создавалось впечатление, будто приближается вечерний сумрак, хотя время было только два часа. Об этом свидетельствовало и по-осен-

нему холодное, хотя и чистое, лишенное облачности солнечное небо. Старший лейтенант захлопнул люк и снова прикрыл глаза, полагаясь на мехвода, которому дал приказание сделать первую остановку возле первой отметки на карте.

Однако младший сержант разбудил его раньше:

– О! Вот и микроавтобус, товарищ старший лейтенант, которого вы так боялись. Уже догнали, а теперь и обгоним... А он в пыли пусть задыхается, как в кочегарке.

– Сколько до первой отметки осталось? – спросил Сергей, выглянув в люк.

– Я так думаю, километров двадцать пять. От силы тридцать набежит.

Бронетранспортер как раз в это время обогнал черный микроавтобус с красной полосой по всему корпусу и с белой трафаретной надписью по красному «Следственное управление по Республике Дагестан». В микроавтобусе спешно закрывали сильно тонированные окна, чтобы пыль, поднятая БТРом, не попала в салон. И почти успели. Вдохнули шлаковую пыль, видимо, только те, кто сидел ближе к двери и к водителю. Но Сергей Николаевич сумел увидеть только автоматные стволы за окном, а не людей, которые, видимо, шарахнулись от пыли в глубину салона. Остальные окна или раньше закрыли, или они вообще не открывались. Бронетранспортер легко обогнал микроавтобус, и он исчез из виду за облаком черной пыли.

– А вообще-то, младший сержант, я никого не боюсь...

Микроавтобуса со всем его содержимым – тем более, – слегка запоздало ответил старший лейтенант. – Я даже тебя не боюсь, даже когда ты управляешь БТРом... Пусть тебя боятся бойцы отделения прикрытия!

– Это потому, товарищ старший лейтенант, что вы в настоящий момент броней прикрыты. Потому и не боитесь...

Глава 5

Пикирование могло бы продолжаться и дальше, но оно было не по душе командиру взвода, привыкшему к проявлению уважения в речи со стороны солдат своего взвода, и он предпочел промолчать, прерывая разговор, и даже снова глаза закрыл, продолжив дремать. И открыл их только тогда, когда почувствовал, что бронетранспортер начал тормозить. По времени они как раз должны были бы добраться до места, где обстреляли спецназ ФСБ. Так, по крайней мере, говорили внутренние часы старшего лейтенанта и его умение ориентироваться во времени, скорости и пространстве. Он проверил это, отстегнув маскирующую липкую ленту на своих «Командирских» часах, и еще раз убедился в своей правоте.

Было время, когда даже в поглощающей лучи тепловизора форме «Ратник» спецназ военной разведки нес немалые потери в живой силе от снайперов противника. И продолжалось это до тех пор, пока кто-то не обратил внимание на часы на руках бойцов спецназа. И тогда в срочном порядке ввели на часы и браслет маскирующую липкую ленту. И потери сразу сократились. Казалось бы, такой пустяк... Но этот случай в очередной раз подсказал, что в военном деле пустяков не бывает. Автомат не имел блестящих деталей, даже у ножа светиться могла только кромка заточки, а вот часы у каждого бойца были свои собственные, и у большинства

имелись браслеты из светлого металла, чаще всего из нержавеющей стали. А определив руку с часами, снайперу было нетрудно рассчитать, где находится тело и голова. И если армейские снайперы противника обычно предпочитали стрелять в корпус бойца Российской армии, то специально обученные стрелки, выступающие против спецназа военной разведки, знали, что керамическая броня простого солдатского бронежилета бойца спецназа ГРУ выдерживает их пулю, и потому проходили обучение по стрельбе именно в голову. Увидеть в прицел часы на руке, а носить их обычно на левом запястье, и просчитать положение человека в окопе не слишком и сложная задача для умелого снайпера.

БТР остановился. Причем затормозил так резко, что Сергей едва не ударился головой о переднюю покрытую черной пылью панель.

– Приехали? – Не открывая глаз, спросил Сергей мехвода.

– Как заказывали... Первая отметка на карте, – кивнул младший сержант.

Старший лейтенант обернулся. Командир отделения прикрытия наклонился и, не покидая кресла стрелка-наводчика, высунулся из башни, осматривая окрестности, словно ждал приказа.

– Ко мне, младший сержант... – коротко приказал ему Сергей.

– Есть, товарищ старший лейтенант. – В комендантской

роте уставные отношения уважали и даже относились к ним с трепетом.

Через две секунды командир отделения был уже за спиной старшего лейтенанта и замер, дожидаясь следующего указания.

Сергеев сразу отметил про себя, что бойцы комендантской роты более дисциплинированы в сравнении с бойцами автороты, следовательно, на них можно положиться с большей уверенностью. Можно и спрашивать с них больше.

– У тебя приемоиндикатор есть? – спросил Сергеев младшего сержанта.

– Откуда! Мы же не спецназ ГРУ...

Сергеев взял с колена мехвода карту, которую передал ему раньше, и показал ее командиру отделения прикрытия.

– Смотри внимательно. Где-то впереди, примерно в этом месте, – ткнул старший лейтенант в карту пальцем, – должны быть заросли белой спиреи. Знаешь такой кустарник?

– Я же не ботаник, чтобы все кустарники знать. Их, наверное, несколько тысяч в одной только России.

– Спроси своих бойцов. Может, знает кто?

Командир отделения спросил.

– Я знаю, – сказал один из самых молодых солдат. – У нас дача в деревне. Мать рядом с калиткой посадила. Дико разрослись за пять лет!

– Это точно. Спирея разрастается дико, – согласился Сергеев. – Густые кусты! Все вокруг забить пытаются. Пока-

жешь, значит, своему отделению. Слушай дальше, младший сержант. Значит, так... Впереди заросли белой спиреи. Ты разделяешь отделение на два части, одну часть посылаешь справа вокруг кустов, вторую часть – слева. Обходите их по кругу. На противоположной стороне встречаетесь. Кусты густые, но кабаны там проделали множество троп. Кто сколько из вас пройдет – внимания не обращать, заросли обязательно должны представлять собой правильный круг. Дистанция у двух групп может оказаться разной. Примерно в середине среди кустов растут три дуба. Их основательно обследуете. По деревьям все, наверное, в детстве лазили. Справитесь. Заберетесь и обследуете...

– Что искать? – серьезно спросил командир отделения.

– Все, что не так как следует лежит! Все, чего там быть не должно, что может вызвать подозрение. Причем не только у дубов, но по всему периметру зарослей. Доложить мне в деталях, что интересного обнаружите... У тебя сотовый телефон есть?

– Есть, товарищ старший лейтенант.

– Запомни номер моего мобильного, не записывай. – Сергей продиктовал номер своего телефона. Младший сержант с сосредоточенным видом повторил. – Подъедет следственная бригада... Смотрите, следаков с ментами не перестреляйте. Это вы можете, не зря со спецназом одну казарму занимаете, вся разница только в этажах. Все! Вперед! Выполняйте...

Боковой люк открылся. Бойцы комендантской роты один за другим покинули бронетранспортер. Последним выбрался командир отделения силовой поддержки. Мехвод покинул свое место и закрыл люк изнутри. После чего вернулся в свое привычное кресло, по пути захватив из рук старшего лейтенанта карту с отметками.

– Что дальше, товарищ старший лейтенант?

– А что «дальше»? Поехали на вторую точку... Пока туда следственная бригада не пожаловала.

– Они еще и сюда не скоро доберутся. С их-то скоростью только вверх и лезть! Движок вот-вот задымится. Антифриз уже, думаю, кипит. Иностранная техника не для здешних дорог создавалась...

* * *

Бронетранспортер опять рванул с места и сразу набрал скорость. Через открытую боковую бойницу Сергеев увидел, как, выполняя его приказание, отделение силовой поддержки молча разделялось на две равные половины. Бронетранспортер ехал ходко, и дорога, по которой не часто ездят, не была разбита тяжелыми колесами и позволяла разогнаться.

Сергей Николаевич часто поворачивался к открытому люку боком, подставляя ближе к открытому пространству свое ухо, то правое, то левое. Он рассчитывал услышать взрыв, про аналог которого говорилось в рапорте капитана Абдул-

керимова, но то ли взрыва не было слышно из-за тарахтения двигателя, то ли вообще взрывы не производились – наверное, не под каждую опору требуется производить взрыв, а, возможно, он был произведен в первой половине дня, когда старший лейтенант еще посещал здания МВД и ФСБ республики. Короче говоря, вариантов было множество. Но звук от взрыва тем не менее должен был дать понять археологической экспедиции, что они услышали не выстрел, а именно взрыв. Может быть, отдаленный, с другого склона хребта. Выстрел из ружья большого калибра может спутать с отдаленным взрывом даже опытный офицер, не говоря уже об археологах, которые выстрелы вообще по роду своей деятельности никогда и не слышали, не говоря уже о том, что смогут отличать его от взрыва. Этим, видимо, таинственный абрек и пользовался.

От первого места остановки отъехали совсем недалеко, и бронетранспортер снова остановился.

– Второе место, – сообщил мехвод, по-прежнему держа карту на коленях и отжимая на себя до упора рычаг ручного тормоза.

– Что, уже пару километров отмахали? – спросил Сергеев.

– Нам не долго – не своим же ходом...

Старший лейтенант открыл до конца свой люк.

– Смотреть полезете? – спросил младший сержант. А если абрек снова шандарахнет?

– Может... – согласился Сергеев.

– А мне тогда что делать?

– Внутри меня затаскивать. В БТР.

– А если он выстрелит, когда вы уже отойдете? Я попробую, конечно, вас дотащить, хотя вы тяжелее меня килограммов на двадцать, но абрек может тогда и меня подстрелить.

– Всему тебя учить надо... Ставишь бронемашину так, чтобы меня прикрыть, и затаскиваешь внутрь. Но не бойсь... Абрек же не смотрит сутками в прицел на дорогу. Будем надеяться, что его сейчас здесь нет.

– А с какой стороны вас прикрывать-то? Может, он в спину стреляет...

– Нет. По данным баллистической экспертизы, все выстрелы были произведены исключительно спереди, со стороны дороги. Так что спереди и прикрывай.

Честно говоря, судебно-медицинская экспертиза этим вопросом вообще не заморачивалась, считая, видимо, естественным, что выстрелы были произведены навстречу движению автомобильных колонн. Но вспомнив, что было написано в заключении экспертов, командир взвода военной разведки сделал вывод, что стреляли только спереди. Следовательно, тылы были безопасны, и в случае выстрела спереди и ранения бронетранспортер, заняв правильную позицию, сумел бы прикрыть и раненого, и спасающего его мехвода.

Однако предупреждение мехвода о возможном развитии событий слегка поколебало уверенность старшего лейтенанта в себе. Он подумал о том, что пуля может попасть ему

в только-только вроде бы зажившее после сложного перелома плечо и вызвать повторные неприятности. Тогда может и в самом деле отсохнуть рука, а это автоматически означает прощание со службой даже в обычной армии, а о спецназе, куда Сергеев так стремился всю свою недолгую жизнь, вообще можно забыть. И он полез в люк здоровым плечом вперед, надеясь, что пуля, если абрек и выстрелит, в место старого перелома не попадет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.